

М. А. АЛДАНОВ

Уинстон Черчилль

<Фрагменты>

<...>

Ровно в семь часов утра ежедневно к этому, на вид тоже довольно невзрачному дому, теперь окруженному колючей проволокой и мешками с песком, подъезжает в открытом автомобиле невысокий, грузный рыжебровый человек с необыкновенно выразительным лицом, с глубоко засевшими блестящими умом глазами, с резко обозначенными скулами и морщинами. Это Уинстон Черчилль. Я видел его несколько раз в жизни. Если взглянуть в его лицо, особенно в глаза, то забыть их невозможно.

<...>

Выйдя из автомобиля, первый министр тотчас спускается в подземное помещение. Там в подвале исторического дома для него устроена комната — не то кабинет, не то спальня — с письменным столом, с телефонами, с пишущими машинами и с кроватью. Он раздевается и ложится в кровать, где принимается за работу: читает полученные за ночь телеграммы, выдержки из газет, затем диктует разные предписания, ответы на запросы, резолюции по докладам. В кровати же он завтракает — «an enormous breakfast» — говорит близкий к нему человек. В 11 часов утра он снова одевается и поднимается наверх в ту комнату, которая в нормальное время служит рабочим кабинетом для первых министров.

Ему предписано врачами оставаться возможно больше в лежачем положении. Этот человек, который может считаться чудом энергии и силы воли, физически слаб и непрочен. У него пошаливает сердце и не в слишком хорошем состоянии легкие.

В детстве он много болел; врачи предполагали, что он не выживет. Пятнадцати лет отроду он на уроке фехтования вывихнул руку и до сих пор владеет ею не совсем свободно. Еще тремя годами позднее с ним произошел другой несчастный случай, очень отразившийся у него на почках. Предки Черчилля, как большая часть английских аристократов, учились в Итонской школе. Его туда нельзя было отдать, так как климат Виндзора, где находится эта старинная школа, был признан недостаточно благоприятным для мальчика со столь слабым здоровьем. Все это не мешает ему в 66 лет есть за троих, пить за двоих и работать от четырнадцати до семнадцати часов в сутки.

В 11.30 утра начинается заседание кабинета министров, происходящее в большой продолговатой комнате, занятой в длину столом красного дерева. По стенам висят портреты министров. В простенках книжные шкапы — по традиции каждый новый министр обязан подарить книгу или книги в это собрание. Для обыкновенных министров у стола стоят стулья, для премьера кресло. Заседания продолжаются от часа до нескольких часов, в зависимости от важности предмета обсуждения и от того, любит ли долгие споры премьер. Словоохотливых министров на Даунинг-стрит недолюбливают. Наименее словоохотливым, как говорят, был покойный лорд Китченер. В 1914 году, будучи военным министром, он принципиально не делился военными секретами с кабинетом. Он будто бы даже объяснил это премьеру Асквиту довольно бесцеремонно: «Все ваши министры сообщают о прениях в кабинете своим женам. Исключение составляет Х., который сообщает об этих прениях своей любовнице!»

После завтрака премьер спит около часа, затем возвращается в кабинет и принимает посетителей. Затем, если необходимо, отправляется в парламент или к королю. Обедает он в своей частной квартире во втором этаже. Я видел дом на Даунинг-стрит только снаружи, но мне попадались фотографии главных салонов дома (в нем всего 68 комнат). Они убраны превосходно: портреты работы Рейнолдса и Гейнсборо, старая дорогая мебель, гобелены. Впрочем, парадные комнаты французских министерств, особенно министерства иностранных дел, где мне случалось бывать, еще лучше. Вечером, после обеда, в связи с наступлением часа ночных воздушных налетов, Черчилль опять спускается в подвальную комнату и там работает всегда до полуночи, а иногда до трех часов ночи. На письменном столе у него стоят три телефона разных

цветов. За работой он напевает единственную песенку, которую знает: «Run, rabbit, run!» — это если Черчилль в хорошем настроении духа.

В хорошем настроении духа он бывает гораздо чаще, чем в дурном. Все знающие его люди говорят об его веселом оптимистическом характере. Говорит об этом и он сам. Вдобавок он считает себя счастливым человеком. Однажды, лет двадцать тому назад, Черчилль сказал одному своему другу: «Моя жизнь, в общем, очень счастливая и становится все счастливее. Я многому научился в жизни и продолжаю учиться каждый день».

<...>

<...> Скажу с самого начала читателю, что я считаю Черчилля большим, очень большим человеком, человеком необыкновенного ума и необыкновенных разносторонних дарований, пожалуй, граничащих с гениальностью. <...>

<...> Черчилль — последняя и наиболее надежная ставка Англии на полную победу.

<...>

